

УДК 347

DOI: 10.34670/AR.2021.83.56.006

Эстоппель в отечественном гражданском праве**Крохин Роман Игоревич**

Помощник адвоката,
адвокатское бюро «Леонтьев и партнеры»,
127051, Российская Федерация, Москва, Трубная ул., 25;
студент,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: r.krohin@leontyevpartners.ru

Аннотация

В статье рассмотрено место эстоппеля в отечественном гражданском праве. С помощью правоприменительной практики обосновывается, что свобода договора автоматически не может ни гарантировать, ни поддержать стабильность и равновесие договорных отношений в целом. Такая свобода неидеальна и сама не свободна от дисфункций, производных от противоречивого поведения субъектов, которое не всегда рационально. В экономике, вступая в договорные отношения, субъекты преследуют свои интересы, стремясь к большей выгоде, порой не учитывая или стараясь игнорировать интересы контрагента. Современное договорное право в теории, руководствуясь в том числе общими представлениями о социальной справедливости, стремится к некоей договорной справедливости. Об этом свидетельствует наличие различных правовых гарантий и института защиты слабой стороны в договоре. Фактически эстоппель нужен, чтобы не допустить получения преимущества и выгоды стороной, которая ведет себя непоследовательно и в ущерб другой стороне. Сделаны соответствующие выводы.

Для цитирования в научных исследованиях

Крохин Р.И. Эстоппель в отечественном гражданском праве // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 6А. С. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2021.83.56.006

Ключевые слова

Эстоппель, гражданское право, договор, принцип справедливости, честность, правовая модель, защита, слабая сторона.

Введение

Россия в отличие от государств традиционно рыночного развития обладает исключительным опытом принудительной отмены принципа свободы договора, который в конце 1917 г. по политическим мотивам, не связанным с правом, был причислен к «принципам буржуазного гражданского оборота». Этот опыт показал дефектность новой правовой модели, от которой в СССР стали постепенно отказываться уже в 1920-е гг. Таким образом, советская (другие государства ее не имели) практика показала невозможность полного отказа (игнорирования) принципа свободы договора.

Даже в идеальной модели правового социального государства свобода договора не абсолютна, а ограничена пределами разной правовой природы. В качестве примера можно привести то, что такая свобода не может охватывать договор как правоотношение. В доктринальном плане концепт «абсолютной» либо ограниченной свободы договора давно обсуждается в отечественной (начиная с XIX в.) цивилистике. Теоретически такая свобода в «чистом» виде допустима, когда все договорные нормы являются диспозитивными, чего нет и не может быть на практике.

На практике законодатель ввел наряду с диспозитивными нормами императивные (запретительные или обязательные), т. е. правила, которые стороны, придя к консенсусу, не могут игнорировать. Для регулирования пределов свободы договора и, соответственно, договорной практики значимо соотношение диспозитивных и императивных норм. Этот вопрос также неоднократно обсуждался в литературе и был предметом оживленных дискуссий. Так, Ф.И. Гавзе указывал на потребность большего представительства диспозитивных норм и, соответственно, сужения императивных, так как они, по либеральной оценке данного ученого, характерной для периода выражения этого мнения, «чрезмерно и без необходимости сковывают волю сторон» [Гавзе, 1959, 7].

Основная часть

В современной правовой системе при переходе к информационному обществу и информационным отношениям, для которых характерно размытие некоторых традиционных представлений, обострилась необходимость более конкретно определять и фиксировать пределы договорной свободы, а также предусматривать возможные критерии и условия допустимости вариантов ее использования.

Взятая в виде обособленной конструкции свобода договора автоматически не может ни гарантировать, ни поддержать стабильность и равновесие договорных отношений в целом. В связи с этим можно констатировать, что современное договорное право стремится к некоей договорной справедливости [Цвайгерт, Кетц, 2000, т. 2, 19]. В этой же сфере можно усмотреть учет интересов всех участвующих в договоре сторон, стимулирование их к рациональным и добросовестным договорным отношениям. Такая общая концепция правового регулирования гражданских правоотношений позволяет выстраивать благоприятную институциональную среду, в которой через договорные отношения будут гармонизироваться интересы сторон.

Для мировой практики эти подходы не новы. В общем они изложены в ст. 1:102 Принципов европейского договорного права [Рамберг, 2011, 800]. Документ мягкого регулирования предполагает, что, вступая в договорные отношения, соглашаясь с условиями договора, стороны добровольно принимают на себя обязанность добросовестно вести дело, соблюдая нормы

лучших и рекомендованных деловых практик и императивных норм. Отметим, что не вполне юридические категории «добросовестность» и «честность» пока не нашли своего точного определения в законе. Они продолжают иметь в основном морально-этическую природу. В то же время это никак не мешает им воздействовать на «чисто» юридические отношения, возникающие в договорной практике. Вопрос о том, могут ли они как-то ограничивать свободу договора, например, если его заключение или цели оцениваются как недобросовестные, остается открытым. Об этом формально можно вести речь лишь условно. В то же время такое соблюдение способно оптимизировать упрочение договорных связей [Цветков, 2006, 28].

Европейские правила (ст. 4:109) указывают на полную свободу правомерного отказа от договора. Это допускается, если одна из сторон не была не по своей воле достаточно «предусмотрительна». Как правило, это связано с тем, что ей не были известны какие-то существенные условия договора. Кроме того, об этом может свидетельствовать отсутствие специального опыта либо каких-то особых навыков, которые могут быть необходимы в переговорах именно по данному вопросу. Данные факты приобретают значение, когда указанная «слабость» одной стороны была использована другой стороной, которая обладала всей полнотой необходимой обеим сторонам для сделки информации и не предоставила ее. Здесь речь не идет о здоровой конкуренции, а скорее – о предосудительном и неэтичном поведении в договорных отношениях.

Таким образом, в литературе развивается вполне обоснованное положение о том, что свобода (любого) договора есть показатель развития гражданского общества [Свеженцева, 2011, 53]. Принимая во внимание, что это один из индикаторов, следует отметить, что сверхсвобода, предоставленная стороне договора, еще не свидетельствует о формировании в России развитого гражданского общества, в том числе и потому, что практика применения новой нормы пока еще не дает базы для объективного и системного анализа.

Закрепление принципа добросовестности в гражданском законодательстве повлекло за собой появление в нем вытекающих из этого принципа правовых норм, таких как эстоппель.

Эстоппель (от англ. *estop* – отводить) – лишение права на возражение. За нарушение запрета на противоречивое, недобросовестное поведение лицо утрачивает возможность ссылаться на какое-либо обстоятельство в свою пользу. Данный принцип пришел из римского права. В частности, согласно высказываниям древнеримских юристов, *nemo contra factum suum venire potest* (никто не может оспаривать свои действия) и *nemo potest venire contra factum proprium* (никто не может противоречить собственному предыдущему поведению). Это правило до сих пор актуально и широко применяется в правоприменительной практике (см. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 5 ноября 2019 г. по делу № А43-51049/2018).

Фактически эстоппель нужен, чтобы не допустить получения преимущества и выгоды стороной, которая ведет себя непоследовательно, в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой. Чаще всего эстоппель применяется, когда речь идет о недействительности или незаключенности договора, что прослеживается из положений, закрепленных в п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432 ГК РФ. ГК РФ этот термин напрямую не использует, но в нескольких статьях идет речь о материальном эстоппеле (абз. 4 п. 2 ст. 166, п. 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ).

На практике это выглядит следующим образом. Заявление о признании сделки (или ее части) недействительной часто используется недобросовестной стороной с целью уклонения от исполнения обязательств. В частности, в соответствии с Определением Тульского областного

суда от 12 апреля 2018 г. по делу № 33-761/2018, истец в рамках гражданского дела утверждал, что договор купли-продажи квартиры является притворной сделкой, прикрывающей договор займа между теми же сторонами на сумму 3 миллиона рублей с выплатой 5% ежемесячно от суммы займа, и представлял подтверждающие это доказательства. Суд защитил права продавца жилого помещения, указав, что между сторонами сложились заемные отношения с обеспечением займа в виде залога принадлежащей истцу квартиры, так как последний нуждался в денежных средствах, в связи с чем его воля была направлена на получение денег займа. Позднее тот же гражданин, но уже в другом деле поставил под сомнение действительность договора займа в части процентов за пользование займом, что, очевидно, свидетельствовало о противоречивом поведении с его стороны и вызвало применение судом принципа эстоппеля. Неприменение нижестоящим судом эстоппеля привело к отмене и другого судебного акта с вынесением решения об отказе в удовлетворении заявленного иска о признании договора подряда незаключенным и взыскании неосновательного обогащения. Заявляя требование о незаключенности договора подряда, истица сослалась на то, что при его подписании стороны не согласовали начальный и конечный сроки выполнения работ, т. е. не достигли согласия по всем существенным условиям. Ответчик иск не признал, указав, что ремонтные работы в квартире проводились, но не были окончены по вине самой истицы. Районный суд иск удовлетворил. Не согласившись с постановленным решением, апелляционная инстанция со ссылкой на п. 2 ст. 432 ГК РФ акцентировала внимание на том обстоятельстве, что истица, внося авансовый платеж при подписании договора подряда, а также впоследствии оплачивая строительные материалы, фактически подтвердила его заключение [Там же].

О применении принципа эстоппеля также высказался Верховный Суд РФ в п. 70 Постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25.

Не ставя задачу детального рассмотрения теоретических вопросов, касающихся возникновения, определения и содержания понятия «эстоппель», остановим свое внимание на некоторых практических аспектах его применения судами общей юрисдикции.

С появлением указанной нормы в мотивировочной части практически каждого решения суда общей юрисдикции, касающегося оспаривания действительности договора, можно обнаружить ссылку на нормы гражданского законодательства РФ, а именно – на ст. 10, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, в отсутствие какой-либо аргументации относительно необходимости их применения. Лишь в единичных судебных решениях встречаются безуспешные попытки связать эти нормы в рамках конкретного спора.

Суды не объясняют, каким именно правом злоупотребила недобросовестная сторона сделки и каким образом такое злоупотребление могло проявиться в условиях, ограничивающих возможность предъявления требования о признании договора недействительным. Причиной тому выступает как недостаточная законодательная определенность вышеуказанных норм, которые еще недавно рассматривались в качестве новелл ГК РФ, так и неполнота разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам применения этих норм.

Проанализируем на предмет определенности правовые конструкции, заложенные в нормах ст. 431.1 ГК РФ во взаимосвязи с нормой п. 5 ст. 166 ГК РФ, а также нормами, оформляющими отдельные основания недействительности сделок.

В соответствии с п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, сторона предпринимательского договора лишается права требовать признания его недействительным, если приняла от контрагента исполнение по такому договору, в то время как сама частично или полностью не исполнила свое обязательство. Очевидно, что подобная модель ограничения права одной из сторон предпринимательского

договора требовать признания его недействительным основывается на оценке характера поведения каждой из сторон договора. При этом поведение каждого из контрагентов оценивается не по отдельности, а во взаимосвязи. В данном случае речь идет об исполнении взаимных обязательств, возникших из одного договора, одно из которых исполнено надлежащим образом, а другое либо вообще не исполнено, либо исполнено частично (не в полном объеме).

Таким образом, наличие подобных поведенческих моделей участников договорных правоотношений устраняет какой-либо порок недействительности договора. Иначе говоря, любой потенциально недействительный договор при наличии указанных поведенческих моделей становится действительным. Изложенный тезис имеет важное следствие: норма п. 2 ст. 431.1 ГК РФ ориентирована исключительно на оспоримые сделки, поскольку ничтожная сделка является недействительной независимо от решения суда; только в процессе оспаривания действительности сделки суд дает оценку обстоятельствам и поведению участников спора. По этой причине вызывают недоумение решения судов, применивших исследуемую норму к требованиям о признании договора ничтожным (см. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 февраля 2016 г. по делу № А66-1458/2014).

Важным является то, что исследуемая модель ограничения права одной из сторон предпринимательского договора требовать признания его недействительным затрагивает далеко не все оспоримые сделки. В силу п. 2 ст. 431.1 ГК РФ из числа оспоримых сделок, подпадающих под действие данной нормы, выпадают:

- договоры, совершенные юридическим лицом в противоречии с целями его деятельности (ст. 173 ГК РФ);
- договоры, совершенные под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ), насилия, угрозы, обмана или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Помимо указанных нами пределов применения исследуемой модели ограничения права одной из сторон предпринимательского договора имеют место и другие. Так, отсутствуют основания для нерассмотрения судом требования о признании договора недействительным, если оно будет заявлено той стороной предпринимательского договора, которая в отличие от другой исполнила обязательство в полном объеме. Это означает, что только недобросовестная сторона договора при наличии условий, указанных в п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, ограничена в праве требовать признания его недействительным.

Добросовестная сторона предпринимательского договора при наличии интереса в оспаривании действительности договора не ограничена ничем: она имеет право заявить требование о признании договора недействительным, а суд обязан его рассмотреть по существу. Суд обязан рассмотреть подобное требование контрагента и в том случае, когда обе стороны исполнили свои обязательства в полном объеме, а равно когда ни одно из обязательств не исполнено либо исполнено частично. Отсутствуют какие-либо ограничения на заявление подобного требования и со стороны третьего лица, чьи интересы затрагивает совершенный предпринимательский договор, подпадающий под то или иное основание недействительности. Речь, в частности, идет об основании оспаривания сделки, поименованном в ст. 173.1 ГК РФ, – сделки, совершенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления.

Иначе говоря, из числа оснований оспаривания сделок, поименованных в § 2 гл. 9 ГК РФ, остается лишь одно основание, поименованное в п. 1 ст. 174 ГК РФ, – сделки, совершенные лицом, а равно органом юридического лица с превышением полномочий. Однако и оно

непригодно для цели применения защитного механизма п. 2 ст. 431.1 ГК РФ. Дело все в том, что одним из случаев ограничения данного защитного механизма выступает ситуация, при которой предоставленное другой стороной исполнение связано с ее заведомо недобросовестными действиями.

Если обратиться к содержанию п. 1 ст. 174 ГК РФ, то видно, что оспорить действительность сделки по основанию указанной нормы можно лишь в случае, когда будет доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об установленных ограничениях полномочий, т. е., выражаясь языком п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, действовала заведомо недобросовестно.

Заключение

Применение общих оснований недействительности сделок, предусмотренных положениями § 2 гл. 9 ГК РФ, не может быть ограничено по правилам исследуемой нормы.

Перечень оснований недействительности оспоримых сделок не ограничивается лишь теми основаниями, которые поименованы в § 2 гл. 9 ГК РФ. Однако и за пределами указанного параграфа таких оснований немного. Например, одно из них касается сдачи результата работы подрядчиком и приемки его заказчиком по договору строительного подряда. Данный процесс передачи результата работы оформляется актом, который подписывается обеими сторонами договора. Если одна сторона отказывается от подписания акта, другая сторона подписывает акт и делает в нем отметку об отказе его подписания другой стороной.

Подобный односторонний акт сдачи или приемки результата работ может быть признан судом недействительным, если мотивы отказа от подписания акта признаны им обоснованными (абз. 2 п. 4 ст. 753 ГК РФ). Существо применения защитных механизмов указанных законоположений основано на заведомой недобросовестности ответчика, а значит, и они выпадают из сферы действия п. 2 ст. 431.1 ГК РФ.

Библиография

1. Гавзе Ф.И. Развитие социалистического гражданско-правового договора. Минск, 1959. 96 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.12.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.02.2016 по делу № А66-1458/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PsHOxNM2kegm/>
6. Принципы европейского договорного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 3.
7. Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 896 с.
8. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 05.11.2019 по делу № А43-51049/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/t0NIi1JyeYrK/>
9. Свеженцева Н.П. Свобода договора как индикатор развития гражданского законодательства в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 1. С. 51-54.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 2. 512 с.
11. Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. М., 2006. 447 с.

Estoppel in Russian civil law

Roman I. Krokhin

Legal Assistant,
Leontiev & Partners,
127051, 25 Trubnaya str., Moscow, Russian Federation;
Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: r.krohin@leontyevpartners.ru

Abstract

The article aims to identify the place of estoppel in Russian civil law, paying special attention to the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. The author of the article uses law enforcement practice to prove that freedom of contract cannot automatically guarantee or maintain the stability and balance of contractual relations as a whole. Such freedom is not ideal and is not free from dysfunctions derived from the contradictory behavior of subjects, which is not always rational. In the economy, when entering into contractual relations, subjects pursue their own interests, striving for greater benefits, sometimes without taking into account or trying to ignore the interests of the counterparty. The article points out that modern contract law in theory, guided, among other things, by general ideas about social justice, tends to a certain contractual justice. This is evidenced by the existence of various legal guarantees and the institution of protection of the weak party to a contract. Having considered the place of estoppel in Russian civil law and carried out an analysis of its functions, estoppel is necessary to prevent a party that behaves inconsistently and to the detriment of the other party from gaining some advantage and benefit.

For citation

Krokhin R.I. (2021) Estoppel' v otechestvennom grazhdanskom prave [Estoppel in Russian civil law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (6A), pp. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2021.83.56.006

Keywords

Estoppel, civil law, contract, principle of justice, honesty, legal model, protection, weak party.

References

1. Gavze F.I. (1959) *Razvitie sotsialisticheskogo grazhdansko-pravovogo dogovora* [The development of socialist civil law contracts]. Minsk.
2. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994* [Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ [Accessed 14/05/21].
3. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 26.01.1996 № 14-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.12.1995* [Civil Code of the Russian Federation (Part 2): Federal Law of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ [Accessed 14/05/21].
4. *O primenenii sudami nekotorykh polozenii razdela I chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii:*

-
- postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25* [On the application of certain provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation by courts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ [Accessed 14/05/21].
5. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 11.02.2016 po delu № A66-1458/2014* [The resolution adopted by the Commercial Court of the Northwest circuit on February 11, 2016 (Case No. A66-1458/2014)]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PsHOxNM2kegm/> [Accessed 14/05/21].
 6. Printsipy evropeiskogo dogovornogo prava [The Principles of European Contract Law] (2005). *Vestnik Vyshego Arbitrazhnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation], 3.
 7. Ramberg J. (1997) *International commercial transactions*. Kluwer Law International. (Russ. ed.: Ramberg J. (2011) *Mezhdunarodnye kommercheskie tranzaktsii*. Moscow: Infotropik Media Publ.)
 8. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Nizhegorodskoi oblasti ot 05.11.2019 po delu № A43-51049/2018* [The decision made by the Commercial Court of the Nizhny Novgorod region on November 5, 2019 (Case No. A43-51049/2018)]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/t0NIi1JyeYrK/> [Accessed 14/05/21].
 9. Svezhentseva N.P. (2011) Svoboda dogovora kak indikator razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Freedom of contract as an indicator of the development of civil legislation in the Russian Federation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of economics and legal practice], 1, pp. 51-54.
 10. Tsvetkov I.V. (2006) *Dogovornaya distsiplina v khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatiya: teoriya i praktika* [Contractual discipline in economic activities of an enterprise: theory and practice]. Moscow.
 11. Zweigert K., Kötz H. (1996) *Einführung in die Rechtsvergleichung: auf dem Gebiete des Privatrechts*. Mohr Siebeck. (Russ. ed.: Zweigert K., Kötz H. (2000) *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava*, Vol. 2. Moscow.)